

ЛИМЕРОВ ПАВЕЛ ФЕДОРОВИЧ

**Нарративы христианизации в формировании коми
литературной традиции в контексте русской словесности**

(XIV – нач. XX вв.)

специальность 10.01.02

Литература народов Российской Федерации

специальность 10.01.09

Фольклористика

Автореферат на соискание ученой степени

доктора филологических наук

Сыктывкар

2021

Работа выполнена в отделе языка, литературы и фольклора Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук.

Официальные оппоненты:

Орлицкий Юрий Борисович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет».

Владыкина Татьяна Григорьевна, доктор филологических наук, профессор ВАК, ведущий научный сотрудник отдела филологических исследований Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук».

Косинцева Елена Викторовна, доктор филологических наук, заместитель директора по научной работе Бюджетного учреждения ХМАО-Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок».

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук.

Защита состоится 6 октября 2021 года в 11-00 на заседании Диссертационного совета Д.002.209.04 при ФГБУН "Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук" по адресу: Москва, ул. Поварская, 25а.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБУН ИМЛИ им. А.М. Горького РАН по адресу: Москва, ул. Поварская, 25а и на сайте организации:

Автореферат разослан " __ " _____ 2021

Ученый секретарь Диссертационного совета

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность исследования. Специфика изучения процессов формирования национальных литературных традиций сегодня является одним из приоритетных направлений науки о литературе. Преимущество, взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур мыслятся как важнейшая проблема литературоведения, определяющая литературу России во всей её полноте. Как отмечают авторы предисловия коллективной монографии, «исследование феномена российской литературы как уникального явления, синтезировавшего в себе философский и нравственный опыт, художественное слово многих народов, - глобальная задача современного литературоведения, решение которой возможно на пути системного изучения промежуточных межлитературных общностей, их внутренних свойств и взаимных отношений».¹ Системное изучение литературной традиции неизбежно предполагает постановку вопроса о её начале, о тех когнитивных процессах, которые привели к возникновению литературы. Традиционно считается, что так называемые молодые или «младописьменные» литературы берут своё начало в фольклоре,² при этом не учитывается, что фольклор сам по себе может порождать только фольклорные тексты, а литературное освоение фольклора уже свидетельствует о наличии художественного сознания. В этом смысле актуально изучение самого процесса перехода от фольклорно-мифологического типа сознания к сознанию художественному, как к

¹ Ванюшев В. М., Лимерова В. А., Снигирёва Т. А., Созина Е. К. Предисловие // Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности. Екатеринбург – Ижевск – Сыктывкар, 2014. С. 5.

² Там же. С. 7. См. также: Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклор и литература: грани взаимопроникновения // Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности. Екатеринбург – Ижевск – Сыктывкар, 2014. С. 13.

«духовной или ментальной доминанте собственно художественности».³ Толчком для такого перехода справедливо полагается освоение национальной словесностью опыта русской литературы, благодаря которому начиная с середины XIX века и наиболее интенсивно – с первой четверти XX века формируются каноны национальных (и региональных) литературных традиций России.

Опыт формирования литературной традиции на коми почве в этом смысле достаточно репрезентативен. Начало формирования этой традиции было положено миссионерской деятельностью Стефана Пермского – создателя коми письменности. Вместе с тем, становление литературы оказалось длительным во времени – в связи с перестройкой всей системы этнической культуры в поэтапном вхождении народа коми в христианский мир. Переход от язычества к христианству вызвал когнитивные процессы, ставшие основой новых интеллектуальных возможностей для коми стороны и позволившие включиться в диалог с культурой Руси, пусть даже в состоянии пассивной, принимающей стороны – получателя текстов (Ю. М. Лотман). Первый этап диалога связан с переводами богослужебной литературы на пермский (коми) язык самим Стефаном Пермским. Вторым этапом диалога ознаменован сочинением Епифания Премудрого «Преподобного в священноиноках отца нашего Епифания Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископом» (Далее – Житие Стефана Пермского или ЖСП).⁴ В качестве активной стороны коми культура включается в диалог уже на третьем этапе: её ответом русской культуре становятся аутентичные фольклорные тексты о крещении чуди, и только в первой половине XIX века – самостоятельные литературные нарративы, интерпретирующие сюжет сочинения Епифания Премудрого.

³ Созина Е. К. Динамика художественного сознания в русской прозе 1830-1850 гг. и стратегия письма классического реализма. Автореферат диссертации. Екатеринбург, 2001. С. 9.

⁴ Епифаний Премудрый. Преподобного в священноиноках отца нашего Епифания Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископом (перевод со ст.-славянского Г. М. Прохорова) // Святитель Стефан Пермский / Сост. Г. М. Прохоров. СПб., 1995.

Таким образом, несомненным результатом культурного диалога является становление процесса текстообразования как в последующей за эпохой Стефана Пермского литературе Вычегодской Перми, так и в устной традиции коми. Смысловые акценты становящейся этнической культуры сосредоточены на христианизации, как на главном событии эпохи, и словесность интегрируется вокруг сюжета христианизации, впервые разработанном в сочинении Епифания Премудрого. Поскольку ЖСП – единственный исторический документ эпохи, то именно этот сюжет христианизации со всеми структурными компонентами становится каноническим. Сюжет разворачивается в определённой последовательности эпизодов, с определённым составом действующих лиц и в определённых пространственно-временных границах. На сегодняшний день существует совокупность оригинальных литературных и фольклорных текстов, воспроизводящих и интерпретирующих канонический сюжет ЖСП в соответствии с культовыми или художественными задачами. Для обозначения этой совокупности текстов в диссертации используется термин *нарративы христианизации*. Термин отграничивает данный вид нарративов от других текстов словесности, вместе с тем он объединяет неоднородные по своим задачам тексты: литературные произведения, агиографические документы, фольклорные нарративы.

Представленная работа является опытом комплексного изучения нарративов христианизации, включая их систематизирующий обзор, описание, анализ. Вопрос о «воздействии» ЖСП на становление некоторых образов коми литературы в своё время был поставлен В. И. Мартыновым⁵ и А. Е. Ванеевым,⁶ но степень этого воздействия, роль этого произведения в зарождении литературной традиции и, шире – всей этнической культуры коми – осталась вне рассмотрения. Между тем, процесс сложения

⁵ Мартынов В. И. Становление коми литературы. Идеино эстетический аспект. М.: «Наука», 1988. С. 25.

⁶ Ванеев А. Е. Коми-зырянское просветительство. Сыктывкар. Изд-во «Эском», 2001. С.14.

оригинальных литературных и фольклорных текстов, воспроизводящих и интерпретирующих сюжет ЖСП, имеет самое непосредственное отношение к становлению и развитию литературной традиции коми, и его изучение является принципиально новым подходом к проблеме формирования национальных литератур России.

Актуальность диссертации определяется и рядом других проблем, в той или иной степени затронутых исследованием.

Во-первых, события крещения языческого народа, переход от язычества к христианству, преодоление язычества – относятся к числу актуальных проблем гуманитарной науки. Это достаточно сложный, многоуровневый процесс, механизмы которого мало изучены.

Во-вторых, актуальным является исследование феномена личности Стефана Пермского, как автора проекта крещения Вычегодской Перми, знаковой, репрезентативной фигуры в межнациональном диалоге культур. Образ Стефана Пермского оказал сильнейшее влияние на культуру коми народа, он герой легенд и литературных произведений постольку, поскольку воспринимается культурой коми народа как её аттрактор, символ новой идентичности.

В-третьих, исследование процесса интеграции литературной традиции коми вокруг канонического сюжета христианизации, начало текстопорождения в литературе и в фольклорной среде культуры-реципиента – может сыграть немаловажную роль в осмыслении сдвигов в мировоззрении сообществ в переходные периоды развития.

В-четвёртых, изучение процессов, происходивших и происходящих в литературе и в народной традиции в связи с художественным и фольклорным типами освоения сюжета христианизации, открывает новые исследовательские перспективы в отношении изучения проблем взаимодействия книжной и фольклорной традиций, поскольку именно фольклор позволяет выявить типологические и генетические особенности

становления литературно-фольклорных образов, сюжетов, мотивов, сыгравших определённую роль в формировании коми идентичности.

В-пятых, изучение эволюции нарративов христианизации открывает новые источники и исследовательские перспективы в изучении проблемы соотношения христианских и дохристианских элементов в народной традиции коми, народного православия и синкретизма христианско-языческих культурных элементов в традиционном мировоззрении, в художественной словесности.

В-шестых, специальный литературоведческий анализ нарративов христианизации предоставляет необходимые данные для адекватного понимания интерпретаций, истолкований канонического сюжета христианизации в литературе XIX – XX вв. и его роли в становлении коми идентичности.

Таким образом, исследование эволюции нарративов христианизации коми в фольклорных и литературных репрезентациях имеет несомненную актуальность для современных исследований по изучению литературы, фольклористике, антропологии, культурологии, а также в аспекте развития методов и методики междисциплинарного изучения явлений, эксплицированных в различных сферах культуры и знания.

Объектом исследования являются нарративы христианизации – художественные и фольклорные произведения, созданные на основе сюжета христианизации коми народа в период с XV – по начало XX вв. Это ЖСП Епифания Премудрого, литературные тексты Вычегодской Перми, фольклорные легенды и, наконец, художественные произведения И. А. Куратова и К. Ф. Жакова.

Предмет исследования: эволюция и семантические трансформации сюжета христианизации коми народа ЖСП в нарративах христианизации XV – начала XX вв.

Цель диссертационного исследования: изучить и проанализировать совокупность нарративов христианизации, выявить их значение в формировании коми литературной традиции и культурной идентичности коми народа. Для достижения этой цели следует решить следующий круг задач:

- определить роль Жития Стефана Пермского Епифания Премудрого как базового текста в сложении сюжета христианизации коми (пермян), показать характерные особенности образа Стефана Пермского в агиографической традиции;
- исследовать эволюцию сюжета христианизации коми (пермян) в нарративах христианизации Вычегодской Перми (Пермской епархии);
- по данным фольклора реконструировать базовую модель дохристианской религии коми, выделить отдельные мифологические мотивы, изучить их влияние на образную систему нарративов христианизации в коми фольклорной традиции;
- рассмотреть формирование в фольклорно-религиозной среде коми легенд о христианизации как о начале истории коми народа, дать сюжетно-тематическую классификацию легенд и о крестителе Степане (Стефане Пермском);
- определить проблематику нарративов христианизации в коми фольклорной традиции, выявить культуртрегерскую роль Стефана Пермского как субъекта и демиурга локальных версий истории;
- выявить элементы фольклорно-книжных взаимовлияний в устных легендах о христианизации, проанализировать мотив единоборства Степана с коми волхвами (тунами) в связи с его возможными литературными первоисточниками;
- выявить национальную специфику освоения сюжета христианизации в творчестве И. А. Куратова и К. Ф. Жакова;

- исследовать круг фольклорно-мифологических источников произведений К. Ф. Жакова, изучить связь творчества Жакова с его концепцией язычества как ключевой доминанты национальной литературной традиции.

Степень изученности темы

Представленное в диссертации комплексное исследование нарративов христианизации, выявление их роли в формировании литературной традиции коми предпринимается впервые. Вместе с тем отдельные аспекты заявленной научной проблематики изучались в рамках различных научных парадигм, но никогда в данной целостности.

Исследования, посвященные затронутой в диссертации тематике, можно разделить на несколько групп. Во-первых, это работы, посвященные проблеме формирования коми литературы. В 1930-е гг. считалось, что зарождение коми литературы произошло только после Октябрьской революции. Этой концепции придерживались в своих монографиях и статьях П. Г. Доронин, А. А. Вежев, но в середине 1970-х гг. официально признанным началом коми литературы стали считать творчество И. А. Куратова второй половины XIX века. Эта точка зрения узаконена в академической «Истории коми литературы» в 3 т. / Отв. Ред. А. К. Микушев. Сыктывкар, 1980. Т.2., в этом же издании есть глава, посвящённая памятникам коми письменности XIV – XVIII вв., однако непосредственной связи между древними памятниками письменности и зарождением литературы автор главы, В. И. Лыткин, не обнаруживает. Вопрос о роли ЖСП в становлении коми литературной традиции впервые рассматривается в монографии В. И. Мартынова (1988), он же первым включает в контекст становления коми литературы русскоязычную Вымско-Вычегодскую летопись (XVI – XVII вв.). В 2000 году выходит монография А. Н. Ванеева, посвященная проблемам коми-зырянского просветительства. Справедливо

отметив роль Стефана Пермского в просвещении коми народа, автор обращает внимание на сочинение Елифания Премудрого, оказавшее непосредственное влияние на формирование образной системы некоторых произведений И. А. Куратова и К. Ф. Жакова.

Вторую группу составляют работы, посвящённые деятельности Стефана Пермского и истории христианизации коми народа. Основным источником сведений о христианизации Вычегодской Перми, а также о жизни и деятельности Стефана Пермского служит сочинение Елифания Премудрого «Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископом», составленное в начале XV века. Этот агиографический документ был издан в 1995 году в составленной Г. М. Прохоровым книге «Святитель Стефан Пермский», снабжён переводом Г. М. Прохорова, его комментариями и статьей «Равноапостольный Стефан Пермский и его агиограф Елифан Премудрый» (См.: Святитель Стефан Пермский / Ред. Г. М. Прохоров. СПб., 1995.), которая содержит фактически все известные сведения о биографии Стефана, а также о композиции и некоторых стилистических особенностях Жития. К этой группе работ относятся дореволюционные статьи и Евгения Болховитинова (1813, 1839), монографии П. Д. Шестакова (1868), Г. С. Лыткина (1889), А. Красова (1897). П. Д. Шестаков, помимо исторических сведений о св. Стефане, включил в свою книгу расшифровку древнепермских надписей с икон. Г. С. Лыткин уделил большое внимание историческому контексту эпохи Стефана Пермского, а также объединил все известные к тому времени сведения о Стефане и касающихся его реликвиях. Книга А. Красова характерна тем, что автор сделал попытку воссоздать пермский мифопоэтический субстрат, предшествующий христианизации. Из послереволюционных прежде всего надо отметить монографию В. И. Лыткина «Древнепермский язык» (1952), посвящённую изучению древнекоми языка на основе памятников древней письменности. В 1960-80-е гг. выходит достаточно много исследовательских

работ, посвящённых поэтике ЖСП. Прежде всего, это статьи и монографии Д. С. Лихачёва, Ф. Вигзелл (Китч), О. Ф. Коноваловой, Р. Пикиио. Г. М. Прохорову принадлежит авторство двух энциклопедических статей: Дробленкова Н. Ф., Прохоров Г. М. Епифаний Премудрый // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып.2. (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 1.: А–К. Л.: «Наука». 1988. С. 211–220; Прохоров Г.М. Стефан – епископ Пермский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 2.: Л–Я. Л.: «Наука». 1989. С. 411–416. Здесь же имеется подробная библиография работ, посвященных Стефану Пермскому и его Житию.

В 1996 году вышла статья А. Н. Власова «Миссия русской православной церкви в Пермском крае» в составленной им книге «История Пермской епархии в памятниках письменности и устной прозы». Сыктывкар, 1996. Статья вводит в научный оборот «Повесть о Стефане Пермском», в которой рассматриваются некоторые вопросы происхождения Повести, ее стилистических особенностей. Книга включает и саму Повесть вкупе с житиями Устьвымских святых, а также устные легенды о Стефане Пермском. Из последних работ, посвященных изучению духовного наследия Стефана Пермского, следует выделить исследования Л. С. Соболевой, рассматривающей деятельность святителя в широком историко-культурном контексте его эпохи. Особое внимание исследователь уделяет раскрытию Епифанием подвига святости Стефана и его основных параметров. В работах А. Ю. Котылева рассматривается историческая составляющая «Жития Стефана Пермского, большое внимание уделяется проблемам хронологии исторических событий в произведении, этнологической концепции Епифания. Работы Б. Н. Морозова и Р. Н. Симонова посвящены изучению проблемы источников стефановской письменности, в частности, они впервые затрагивают вопрос о цифровых обозначениях стефановской азбуки.

К третьей группе исследований относятся работы, посвящённые изучению литературных произведений, интерпретирующих образы ЖСП, его сюжет. В оригинальном творчестве таких коми авторов, как И. А. Куратов, К. Ф. Жаков, М. Н. Лебедев тема христианизации представлена достаточно выпукло. В советском литературоведении эта тема в той или иной мере затрагивалась в исследованиях А. Н. Фёдоровой, А. К. Микушева, В. А. Латышевой. Несмотря на то, что работы этих авторов содержат достаточно объективные наблюдения в области поэтики рассматриваемых ими произведений, аналитический уровень их невысок. Объясняется это тем, что интересующие нас произведения всегда рассматривались в контексте обзорных статей, минуя стадию конкретного анализа. Тем более что советская исследовательская стратегия, которой придерживались данные авторы, предполагала, прежде всего, поиск социально-политических мотивов в творчестве писателей, соответственно, «неудобные» темы, чаще, замалчивались. В современных исследованиях достаточно публикаций, связанных с поисками иных смыслов творчества данных писателей. Это работы П. Ф. Лимерова по поэтике произведений И. А. Куратова, В. А. Лимеровой, обнаружившей сходство ряда произведений К. Ф. Жакова с жанрами средневековой литературы, значительное количество публикаций Е. К. Созиной, посвященных изучению художественного мира К. Ф. Жакова. Эти последние исследования в значительной мере позволяют поставить вопрос о преемственной связи между духовным наследием Стефана Пермского и формированием коми литературной традиции.

В четвертую группу входят работы, посвящённые изучению фольклорных произведений, происхождение которых имеет прямое отношение к теме христианизации коми Стефаном Пермским. Во-первых, это исследования дохристианских верований и мифологии народа коми, т.е. мифологического субстрата, оказавшего влияние на формирование фольклорных нарративов христианизации и первых литературных опытов.

Эти исследования начались одновременно с началом изучения стефановского духовного наследия и неотделимы от заявленной темы диссертации. Коми мифологии посвящены главы в монографиях П. Д. Шестакова, А. Красова, первая реконструкция мифологической картины мира по данным фольклора принадлежит К. Ф. Жакову. После него данные фольклора в мифологических реконструкциях привлекались В. П. Налимовым, П. А. Сорокиным, в послереволюционный период – А. Н. Греном, А. С. Сидоровым. Специальное изучение космогонических легенд впервые было предпринято Ф. В. Плесовским, в 1990-е гг. эта тема получила развитие в работах Н. Д. Конакова, П. Ф. Лимерова. Во-вторых, это исследования фольклорных нарративов христианизации. Влияние фольклорных легенд о св. Стефане обнаруживается уже в трудах европейских путешественников М. Меховского, С. Герберштейна, Николааса Витсена (XVI – XVII вв.), использовавших легенду о мученической смерти Стефана Пермского. Ряд легендарных сюжетов приводят в своих сочинениях арх. Макарий (Миролюбов), М. Н. Михайлов (1860), однако полноценные записи текстов были сделаны только в начале XX века П. Г. Дорониным. В 1950 – 60-е гг. легенды о крещении чуди Степаном Пермским зафиксированы Л. С. Грибовой в Прикамье у коми-пермяков, у коми-зырян легенды о крещении чуди Стефаном Пермским были записаны Е. В. Ветошкиной (Козловой) в Вымской фольклорной экспедиции 1981 года. Ей удалось зафиксировать порядка сорока текстов, и этот цикл легенд вымской традиции по праву можно считать наиболее объемным. В последние годы легенды о Стефане Пермском фиксировались на верхней Вычегде П. Ф. Лимеровым, О. И. Уляшевым, ряд текстов был записан студентами Сыктывкарского университета у русского населения нижней Вычегды. Специальное изучение нарративов о Стефане Пермском было начато Ю. Г. Рочевым (1972), но первое системное описание этих нарративов предпринял А. Н. Власов (1996), выделивший тексты о Стефане в отдельный повествовательный цикл. К

исследованию легенд о христианизации обращались О. И. Уляшев (1998), М. А. Анкудинова, В. В. Филиппова (2005), А. В. Панюков (2009), в работах которых рассматривались проблемы функционирования этих текстов в фольклорной традиции, жанровой принадлежности нарративов, их современным трансформациям, создающим предпосылки для формирования новых сюжетных коллизий.

Эти и некоторые другие, не упомянутые здесь работы, создают фундаментальную научную базу для дальнейших исследований, делают возможной работу по изучению процессов формирования коми литературной традиции.

Методологическую и теоретическую основу составили научные труды отечественных и зарубежных авторов в области истории и теории литературы, культурной антропологии, фольклористики, русской религиозной философии, критической агиографии, герменевтики. В основном, это работы М. М. Бахтина, С. С. Аверинцева, Д. С. Лихачева, В. Н. Топорова, В. Б. Шкловского, Б. В. Томашевского, В. М. Лурье, Р. Пиккио, Г. П. Федотова, В. Я. Проппа, И. В. Силантьева, Ю. М. Лотмана, И. П. Смирнова, Б. А. Успенского, А. М. Панченко, Хейдена Уайта, П. Рикёра, У. Эко, Л. Уайта и др. Методологическим основанием интеграции является многоплановость самого исследования, предполагающего обращение к текстам разных эпох и культур, как то исторические и агиографические документы средневековой Руси и Пермской епархии, образцы языческого наследия Перми, фольклорные памятники коми народа, литературные тексты коми писателей. В связи с этим возникает необходимость рассмотреть эволюцию нарративов христианизации в зависимости от тех смыслов, которыми они наделялись в каждый исторический период – в контексте процессов культурного наследования древнерусской литературной традиции, а также в зависимости от культурных смыслов, реально содержащихся в «тексте» традиции-реципиента. Такой

подход требует обращения к разным методам анализа материала, в первую очередь – метод структурного анализа текста наряду с элементами литературоведческого анализа, герменевтический метод, позволяющий включить анализируемые тексты в большой историко-культурный контекст; в работе использовался опыт историко-типологических, семиотических исследований фольклора, сюжетологический подход, предполагающий изучение сюжета, не только как способа организации повествования, но как основополагающего метода концептуализации исторического материала (Х. Уайт). В результате в исследовании удаётся концептуализировать особенности процесса интеграции нарративов христианизации в коми фольклорную и литературную традиции, и показать их роль в формировании коми этнокультурной идентичности.

В качестве **Материала** в диссертационном исследовании использовались известные житийные памятники о св. Стефане Пермском, Сказания о Пермских епископах, Вычегодско-Вымская летопись, литературные произведения И. А. Куратова и К. Ф. Жакова, а также памятники устной словесности коми, опубликованные в различных сборниках и хранящиеся в архивах. В ходе работы было использовано порядка двухсот фольклорных текстов, в том или ином виде сообщающих разновидности сюжета христианизации коми народа и о Стефане Пермском.

Научная новизна исследования:

- Впервые исследовано бытование нарративов христианизации в коми духовной культуре (на материале художественной словесности XIV – нач. XX вв.: от Епифания Премудрого до К. Ф. Жакова), на данном материале установлено, что нарративы христианизации являются особым способом организации художественного мира, определяющими своеобразие национального литературного типа героя и национальный идентитет коми литературы и фольклора.

- Впервые определено и систематизировано содержание и значение религиозного подвига Стефана Пермского как уникального историко-культурного явления в отечественной культуре, непосредственно связанного с кирилло-мефодиевской традицией, в хронологической последовательности показано становление личности Стефана как человека и подвижника, расшифрованы ключевые религиозные концепции, которые питали его духовность.

- В диссертации впервые выявлена специфика процесса наследования епифаниевского образца сюжета христианизации в литературных памятниках Вычегодской Перми (Пермской епархии), установлена содержательная связь между книжными текстами XIV – XVII вв. и фольклорными источниками.

- Настоящая работа позволяет по-новому рассмотреть некоторые аспекты взаимодействия книжной и фольклорной традиций: выявление роли книжного и фольклорного начал в сложении ряда легендарных мотивов и сюжетов и, шире – роли древнерусской письменной традиции в формировании этнокультурной (устной и письменной) традиции коми.

- Впервые определяются жанровые характеристики устных текстов о христианизации и Стефане Пермском, дается их тематическая классификация. В диссертационном исследовании впервые рассмотрены общие для литературной и устной традиций семантические структуры, связанные с типизацией образа святого, способствующие интеграции этого образа в устную традицию народа коми; раскрываются механизмы формирования символической роли образа святого в фольклорно-мифологических представлениях.

- В связи с этим в работе предложена новая и более углублённая интерпретация космогонических текстов с привлечением материалов археологии, этнографии и фольклора в связи с реконструкцией модели дохристианской мифологии коми, оказавшей непосредственное влияние на

сложение фольклорного образа Степана-крестителя, как культурного героя, христианского космостроителя.

- Принципиально новым является взгляд на литературное творчество И. А. Куратова и К. Ф. Жакова, впервые освоивших сюжет христианизации в своих произведениях. Показана и обоснована смыслообразующая роль сюжета христианизации как ценностного образца для возникающей литературной традиции, показателя ее национальной специфики, и, в силу этого, основой для обретения автором национальной идентичности.

Положения, выносимые на защиту:

1. Житие Стефана Пермского является агиографическим документом, выполняющим культовые задачи; одновременно это исторический нарратив, который содержит информацию о событиях христианизации Вычегодской Перми в конце XIV века. В отличие от дескриптивных исторических источников, данный нарратив имеет агиографический сюжет, т.е. житийную рефлексию об исторической действительности. Специфика такого типа изложения исторического материала заключается в том, что в состав сюжета вошли только те события, которые, по мысли автора, наиболее соответствуют решаемым агиографическим задачам. Тем не менее, сюжет становится каноническим образцом для последующих художественных и исторических рефлексий о событиях христианизации пермян (коми).

2. Начало литературного процесса в коми среде связано с деятельностью Пермской епархии. Здесь был создан комплекс преимущественно сакральных сочинений, культурной позицией которых стала экспликация духовных ценностей и смысловых ориентиров христианства. Точкой отсчёта христианства Вычегодской Перми раз и навсегда определена миссия Стефана Пермского, соответственно, базовой

концепцией нарративов христианизации становится идея миссии, как цивилизационного процесса, в рамках которого формируется новая социокультурная модель общества.

3. Епифаниевская традиция трактовки событий христианизации Перми была продолжена в литературных произведениях Пермской епархии. Об этом свидетельствуют дошедшие до нас «Повесть о Стефане Пермском» и «Вычегодско-Вымская летопись», репрезентирующие деятельность Стефана Пермского, а также включающие в сюжет христианизации дополнительные эпизоды, отсутствующие в ЖСП. В течение всего XIX века, в основном, региональными авторами на основе епифаниевского образца составлялось большое количество популярных брошюр и статей, имевших, прежде всего, просветительские задачи. Эти публикации, вторичные по отношению к ЖСП, стали, по сути, начальным этапом художественного освоения сюжета христианизации коми, формирования литературной версии этой темы.

4. Епифаниевский образец дал толчок возникновению нарративов христианизации в коми фольклоре. Существует большой корпус устных текстов о крещении, фиксируемых в течение всего XX века, в значительной части опубликованных в сборниках. В совокупности все эти тексты являются не более чем локальными репрезентациями народной версии сюжета христианизации, само бытование которого является фактом наличия определенной концепции христианизации, глубоко интегрированной в культуру коми этноса. Это говорит о том, что пермская (коми) традиция, через Стефана Пермского получившая христианизирующее воздействие русской культуры, включилась в диалог с ней, и создание своих нарративов христианизации, а также своего – фольклорного – образа Стефана Пермского – стало ее ответом русской житийной традиции.

5. Формой интерпретации епифаниевской версии сюжета христианизации связанного с ним образа Стефана является художественная рецепция этого сюжета в писательском творчестве И. А. Куратова и К. Ф.

Жакова. Эта рецепция является отражением религиозно-философских, эстетических взглядов писателей. И. А. Куратов, задумав поэму о Стефане Пермском и крещении коми народа, обратился к Житию как к основному источнику исторических сведений. Однако, по мере осмысления событий крещения, сбора материалов для обрисовки образов основных героев-противников – Стефана Пермского и Пама, Куратов отошёл от житийного текста. Эта иная, неепифаниевская точка зрения на крещение, предполагала главным героем произведения не Стефана Пермского, а его противника, Пама сотника, и была на то время абсолютно новаторской. В сущности, интерпретация событий крещения с точки зрения Пама переводила сюжет поэмы на иной концептуальный уровень, и это был уровень национальной литературы со своей особой аксиологией и философией. Фактически же опыт Куратова показал, что сюжет христианизации, столь значимый для коми национального менталитета является ключевым и для коми словесности в целом – показателем ее национальной специфики и, в силу этого, почвой для обретения автором национальной идентичности.

6. По мысли К. Ф. Жакова, ядром коми национальной культуры является «языческое мирозерцание», в котором с древнейших времен содержатся смыслы и ценности духовного бытия коми народа. Соответственно, языческий миф является индикатором идентичности зарождающейся литературной традиции коми-зырян. В литературном творчестве Жакова епифаниевский образец сюжета христианизации получает творческое развитие в образе Пама Бурморты – сына Пама сотника, реформировавшем языческие знания отца в религиозное учение, в дальнейшем унаследованное самим Жаковым и доработанное им в учение лимитизма.

7. Эволюцию нарративов христианизации можно интерпретировать как конструирование собственно коми культурной традиции. Изначально на уровне фольклорной агиографии, а позднее – в рамках литературной

практики, она осуществляется как процесс выработки культурной идентичности.

Теоретическая значимость исследования

Результаты диссертационного исследования вносят вклад в развитие историко-литературного знания в области наследования и эволюции древнерусской литературной традиции в средневековой иноязычной среде, способствуют возникновению границы семиосферы как «механизма перевода текстов чужой семиотики на язык «нашей»»⁷ и, как следствие, актуализации диалога культур, запускающего процесс выработки иноязычной средой аккультурационных механизмов для адаптации текстов этой традиции к новым условиям существования, а также в создании этнокультурных «пратекстов», участвующих в формировании новой социокультурной идентичности. Диссертационные разработки позволяют расширить методологический потенциал литературоведческих исследований коми художественной словесности как формы культурно-исторической традиции, предлагают новые подходы к изучению культурного мира писателя. Результаты исследования могут быть полезными для привлечения в предметное поле литературоведения и фольклористики научных сил в области культурологии, истории, этнологии, философии, религиоведения.

Практическая значимость работы заключается в привлечении внимания исследователей к аспектам рождения новой литературной традиции на пересечении древнерусского христианского и коми (пермского) языческого культурных миров. Результаты исследования могут быть использованы при разработке учебных пособий, вузовских курсов по

⁷ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. М.: «Языки русской культуры», 1996. С. 183.

истории коми, а также и русской литературы, истории культуры, в практике школьного преподавания.

Апробация работы

Основные положения работы были представлены в виде докладов на I – IV Всероссийских конгрессах фольклористов (Москва, Тула); на четырёх Международных научных конференциях «Семиозис и культура», проводимых в рамках международного научного проекта под эгидой Международной Академии Наук (Русская секция) в Коми государственном педагогическом институте (г. Сыктывкар 2010 – 2015 годы); Всероссийской научной конференции «Духовная культура финно-угорских народов России», посвященная 80-летию А.К. Микушева. (Сыктывкар, 1-3 ноября 2006 г.); Международной конференции «Simboli e miti della tradizione sciamanica» (Bologna, Alma mater studiorum – Universiteta di Bologna, 4-5 мая 2006 г.); IV международной научной конференции «Национальный семиозис: дискурсы идентичности» (Сыктывкар, 25-26 апреля 2007 г.); V международной научной конференции «Семиозис и культура: методологические проблемы современного гуманитарного знания» (Сыктывкар, 17-18 апреля 2008 г.); Всероссийской научной конференции «Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития» (4-5 марта 2008 г., Екатеринбург); Всероссийской научной конференции «Зеленинские чтения» (Санкт-Петербург, 6-8 ноября 2008 г.); Международной конференции «Калевала в контексте региональной и мировой культуры» (Петрозаводск, 2–4 июня 2009 г.); Всероссийской интернет-конференции «Река и Гора: локальные дискурсы горного и речного пространства» (Пермский государственный университет, 29 октября 2009 г.); Межрегиональной научной конференции «Историческое произведение как феномен культуры» (Сыктывкар, 27 октября 2009 г.); Втором Всероссийском конгрессе фольклористов (Москва, 16 февраля 2010 г.); Всероссийской

научной конференции «Гуманитарные исследования на Урале и социальная практика» (Екатеринбург, 25–26 октября 2010 г.); VII Международной научной конференции «Литература и история – грани единого (к проблеме междисциплинарных связей)» (Екатеринбург, 11–13 октября 2012 г.); Международной научной конференции «Роль Православия в формировании России и в современном мире» (Сыктывкар, 30.09-03.10.2013); X международной научной конференции «"Круг жизни" в славянской и еврейской культурной традиции» (Москва, 4–6 декабря 2013 г.); V Всероссийской научной конференции финно-угроведов «Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России» (Петрозаводск, 25–28 июня 2014 г.); II Всероссийской научной конференции «Филологические исследования-2014. Источники их анализ и интерпретации в филологических науках» (Сыктывкар, 14–17 октября 2014 года). IX Конгрессе антропологов и этнологов России (Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г.); Третьих научных чтениях памяти К. В. Чистова. «Биографический текст – память – идентичности» (Санкт-Петербург, 23–24 ноября 2015 г.); Чтениях к 100-летию со дня рождения Б. Н. Путилова и К. В. Чистова (Санкт-Петербург, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого, ИРЛИ РАН. 14–16 ноября 2019 года); XIX Свято-Троицких ежегодных международных академических чтениях в Санкт-Петербурге: Междисциплинарный синтез гуманитарных наук в эпоху социокультурных и исторических трансформаций. Опыт «Русского пути» (Санкт-Петербург. Русская христианская гуманитарная академия, 29 мая – 1 июня 2019 года).

Результаты исследования были обсуждены на заседании отдела языка, литературы и фольклора ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, а также отражены в публикациях по теме диссертации.

СТРУКТУРА ДИССЕРТАЦИИ

Диссертация состоит из введения, четырёх глав, заключения и списка литературы. Во введении дается обоснование актуальности работы, степени её новизны, определяются объект и предмет диссертации, формулируются цель и задачи исследования, анализируется историография и источники исследования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обоснована актуальность темы, дана оценка степени научной разработанности проблемы, охарактеризованы источники, сформулированы цели и задачи исследования, определены его методологические основания, раскрыты научная новизна, теоретическая и практическая значимость результатов.

В первой главе «Христианизация Вычегодской Перми: оформление сюжета христианизации пермян в агиографической литературе» рассматривается роль сочинения Епифания Премудрого «Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископом» (Епифаний, 1996.) в формировании сюжета христианизации Вычегодской Перми (Коми края), а также его влияние на исторические и агиографические документы Пермской епархии (XV–XVII вв.). В сочинении Епифания впервые тема христианизации коми обрела самостоятельную ценность и стала открытой для дальнейших осмыслений. Епифаний первым увидел в деятельности ростовского монаха Стефана продолжение деяний апостолов и представил её как целостную историю христианизации народов Перми, как единый сюжет, развитие которого совпадает с перипетиями биографии самого Стефана Пермского. Вместе с тем, произведение Епифания – это и картина современной ему русской действительности, особенно той её части, которая касается церковной жизни, а также ещё и картина жизни

Вычегодской Перми: её географического расположения, общественного устройства, аутентичной религии, обычаев, образа коми народа. Эти особенности ЖСП, обусловили более широкое прочтение произведения, нежели текст памяти о Стефане Пермском. Довольно рано ЖСП стало восприниматься в качестве источника сведений о Северных территориях исторического, этнографического и даже географического характера. Соответственно, появляются две трактовки личности Стефана Пермского: согласно первой из них Стефан является православным святым, продолжателем дела апостолов и св. Константина-Кирилла, согласно второй – Стефан является политическим деятелем, усилиями которого к Московскому княжеству были присоединены огромные территории северо-востока, ранее принадлежавшие новгородской юрисдикции. Таким образом, сюжет христианизации пермян, созданный творческим гением Епифания Премудрого, изначально интерпретируется как исторически верное изложение последовательности событий христианизации коми народа. Благодаря этому сюжет неоднократно воспроизводится в последующих литературных и исторических текстах, а также трансформируется в серии различных фольклорных мотивов.

Первый параграф «Кирилло-мефодиевская традиция и ее роль в сложении житийного образа Стефана Пермского Епифания Премудрого» посвящён проблеме религиозного подвига Стефана Пермского в интерпретации Епифания Премудрого, его соответствию кирилло-мефодиевской традиции. Содержанием «Жития» Епифания является культ Стефана Пермского как равноапостольного святого, следовательно, в центре повествования – формирование личности Стефана соответственно этой концепции. Равноапостольность предполагает известную самостоятельность христианской традиции, поскольку её основание связано с деятельностью святого, приравненной деяниям апостолов Иисуса Христа. Для обоснования равноапостольности Стефана Епифаний строит повествование на известных

параллелях с Житием Кирилла. Характер подвижничества Стефана связан с непрерывным учением, самосовершенствованием, это новый для послемонгольской Русской Церкви тип *образованного* святого, какого доселе не было и еще долгое время не будет. Именно образованность является главной точкой соприкосновения между образами Стефана и Константина-Кирилла: и Стефан, и Константин с детства отличаются высоким интеллектом, любознательностью, приверженностью к книжным занятиям, скоростью постижения смыслов, что соответствует идее постижения Бога через разум, мудрость, через книжность. Через параллели с житием Константина Епифаний коррелирует духовные помыслы Стефана и с деяниями первых апостолов, агиограф показывает Стефана прилежным учеником апостолов, выстраивающим свою жизнь согласно их предписаниям. Особое место в повествовании занимают цитирования из деяний Павла, образ которого в контексте повествования являет собой духовный идеал, наиболее отвечающий устремлениям Стефана. Это не случайно, поскольку учение апостола Павла играло доминирующую роль в сложении доктрины апостольской преемственности славянских первоучителей Константина-Кирилла и Мефодия. В связи с этим Епифаний придает большое значение вопросу о языке Стефановской проповеди. Епифаний пишет, что Стефан, находясь в ростовском монастыре, самостоятельно изучил пермский язык, составил для него азбуку и перевел на пермский язык богослужебные книги.

Второй параграф «Крещение пермян: просветительская деятельность Стефана Пермского» посвящен анализу структуры религиозного подвига Стефана в интерпретации Епифания Премудрого. По Епифанию, историческая роль Стефана в христианизации Перми это осуществление воли Бога, возложившего на него апостольскую миссию, как некогда на первых апостолов. Епифаний перечисляет деяния апостолов и делает вывод о том, что поскольку апостолы «в Перми не успеха быти», то их миссия

возлагается на Стефана. Определенная таким образом преемственность просветительской деятельности Стефана апостольской традиции, его *равноапостольность*, служит для Епифания оправданием созданной Стефаном Пермской письменности. Епифаний сравнивает творчество Стефана с творчеством равноапостольного Кирилла и приходит к выводу, что грамоты, созданные ими, лучше эллинской, которая создавалась язычниками, в то время, как и Кирилл, и Стефан – угодники Божьи. Сравнение деятельности Стефана и Кирилла имеет еще один смысловой план: таким образом утверждается главный аспект деятельности Стефана – основание национальной пермской Церкви с богослужением на пермском (коми) языке, как некогда Кириллом было обосновано право славян на известную церковную автономию с литургическим славянским языком. Анализ «Жития» показывает, что с точки зрения Епифания успех миссии Стефана целиком зависел от его личных качеств, его труженичества, благодаря которому святой получил поддержку благодатного воздействия Бога. Тема труженичества в «Житии» раскрывается через ряд последовательно расположенных в сюжете пар мотивов: молитва – проповедь (поучение), построение церквей – разрушение кумирниц, обучение в школе – полемика с волхвами. Эти сюжетные мотивы, в сущности, отражают методы миссионерской практики Стефана на начальном этапе христианизации. После установления епархии тема труженичества раскрывается уже в ряде других мотивов и, прежде всего, это тема епископского служения Стефана крещеным им людям. Оценивая деятельность Стефана как равную апостолам, Епифаний видит его задачу не только в крещении пермян, он вводит в повествование образ пермской Церкви, начало которой было положено возведением первого на Пермской земле храма Благовещения Богородицы, а спустя некоторое время – первыми рукоположениями местной иерархии.

Относительно сочинения Епифания, кирилло-мефодиевский образец

выполняет роль «агиографического субстрата». По определению, агиографический субстрат – это передающий смысл культа святого информационный код, в соответствии с которым располагается фактический материал в житии.⁸ Епифаний строит биографию Стефана, ориентируясь на Житие Константина Философа и сохраняя основные «прописи» жития просветителя славян: как и Константин, Стефан с раннего детства испытывает приверженность к образованности, как он же получает прозвище «Философ», обретает чудесным образом знание чужого языка и грамоты, проповедует Слово Божье на неродном языке, участвует в полемиках о вере. Даже эпизод с уничтожением Константином священного языческого дерева – фульского дуба – имеет параллель в поздней Повести о Стефане Пермском в эпизоде рубки святителем «прокудливой» берёзы. В результате история о жизни и деятельности Стефана Пермского, включая крещение пермян, создание Пермской церкви и письменности на пермском языке, репрезентируется как продолжение истории христианизации славянских народов, Руси, шире – истории деяний апостолов и входит в контекст всеобщей библейской истории. В то же время сюжет ЖСП строится хотя и с учётом прописей ЖК, но в той последовательности событий, которая представлялась Епифанию исторической. Кроме того, сами прописи заполняются по мере возможности теми достоверными сведениями, о которых Епифаний говорит в начале своего повествования.

В третьем параграфе «Значение Стефановской азбуки в христианизации Вычегодской Перми» рассматриваются гипотезы о происхождении и составе стефановской азбуки, а также о судьбе пермской письменности XIV – XVI вв. Сведения о стефановской письменности изложены Епифанием в главе «О пермской азбуке». По Епифанию, создание Стефаном Пермским азбуки-анбура и перевод на пермский язык богослужебной литературы является смысловым центром сюжета христианизации. Таким образом христианство распространяется среди

пермян путём просвещения, через литературную традицию. Это, с одной стороны, связывает христианизацию пермян-коми с кирилло-мефодиевской традицией, с другой стороны, определяет её особенность, выделяет из традиций крещения других народов Европы. Пермская азбука была составлена св. Стефаном в соответствии с «чином» греческого алфавита: она сохраняла линейный порядок греческих букв, но включала знаки, отражающие фонетические особенности пермского языка. Епифаний говорит о 24 знаках пермской азбуки, впервые графические изображения знаков пермской азбуки были опубликованы в 1817 году Н. М. Карамзиным в «Истории государства Российского» в числе 24 букв. В реферируемой работе рассмотрены гипотезы о происхождении оригинальной графики анбура. Что касается литературы на пермском языке, то Епифаний упоминает о переведенных Часослове, Восьмигласнике и Псалтыри, есть основания считать, что Стефан перевел на пермский язык полный Служебник, апракосные Евангелие и Апостол. На сегодняшний день известно только четыре памятника, написанных стефановской азбукой, и четыре списка «Обедни» на древнепермском языке, в переводе XVII в. со стефановской графики на кириллицу.

Четвертый параграф «История христианизации в пермской церковной письменности XVI–XVII вв.» посвящен вопросам наследования стефановской письменности литературной традицией Вычегодской Перми (Пермской епархии), описанию сохранившихся литературных памятников. Письменность на пермском языке просуществовала порядка двух столетий, прежде чем в пределах бывшей Стефановской епархии окончательно не утвердился славянский язык богослужения. Схема эволюционного пути коми письменности от стефановских переводов до оригинальных книжных текстов на коми языке оказалась прерванной в пользу следования древнерусским книжным образцам. Наше исследование показало, что литература Пермской епархии в целом продолжает епифаниевскую традицию

изображения событий крещения коми, в то же время, появляются иные модификации нарративов христианизации, включающие в сюжет фольклорные мотивы и агиографические клише. Это касается таких мотивов, как уничтожение языческой берёзы, ослепление язычников, в сюжете христианизации появляются новые персонажи: Герасим, Питирим, Иона, Фалалей – продолжающие дело просвещения коми народа (пермян). В связи с распространением культа Стефана Пермского в пределах Пермской епархии, сюжет христианизации из литературной традиции переходит в устное бытование.

Глава II. Мифологические сюжеты и образы дохристианских представлений народа коми: фольклорная реконструкция посвящена реконструкции базовой модели дохристианской мифологии коми по материалам фольклора, этнографии, археологии. Одной из важных, конкретных задач нашей работы является рассмотрение устных текстов о христианизации и роли в ней Стефана Пермского (фольк. Степана). Наше исследование показало, что формирование легенд о христианизации и Степане-крестителе происходит не стихийно, а в рамках становящегося христианского религиозного сознания коми этноса и связывается с учреждением культа святого Стефана в пределах Пермской (Усть-Вымской) епархии. При этом на формирование легенд о Степане непосредственное влияние оказывает и аутентичный мифологический топос, увязывающий представления о событиях крещения с представлениями о сотворении мира.

Первый параграф «Историография и проблемы изучения дохристианской коми мифологии» посвящен историографии проблемы. В реферируемой работе доказывается, что изучение мифологии коми шло параллельно изучению пермских христианских древностей. Впервые сведения о языческой религии коми описываются Елифанием в его сочинении, в дальнейшем эти сведения используются авторами XIX века

П. Д. Шестаковым, А. Красовым, Г. С. Лыткиным в реконструкциях зырянской мифологии. Если первые исследования касались рассмотрения пантеона древних божеств, в которых видели, прежде всего, Золотую Бабу, Войпеля, Ена и Омöля, то, начиная с работы А. Красова, в контекст реконструкций вводится уже и этнографический материал. Полновесно привлекаются фольклорные материалы в начале XX века в исследованиях К. Ф. Жакова и В. П. Налимова, тогда же ставится проблема реконструкции древнего мировоззрения, а не только образов отдельных божеств. Позднее, в работах А. С. Сидорова, Л. С. Грибовой в контекст источников исследования включаются и археологические материалы, ставится вопрос о языческой космологии и социальной организации древних коми. Наиболее впечатляющие результаты в области реконструкций были достигнуты исследованиями Н. Д. Конакова, систематизировавшего мифологические представления коми в рамках единой картины мира, в которой репрезентировано единство архаического мировосприятия на космическом и социально-биологическом уровнях. С 1993 года под руководством Н. Д. Конакова рабочая группа сотрудников отдела этнографии и фольклора проводила исследования по проекту «Мифология народа коми». Концептуальной основой исследований являлась реконструкция мифопоэтической картины мира коми, понятой как комплекс мифологических представлений о месте человека в окружающем его мире.

Во втором параграфе «Богиня Мать в мифологии коми: реконструкция образа» по материалам фольклора и археологическим данным проведена реконструкция образа дохристианской женской богини и связанных с ней мифологических сюжетов. Дохристианская религия коми уходит корнями к религиям североевразийских охотников на лосей и оленей верхнего палеолита и мезолита. Об этом можно судить по средневековым шаманским бляшкам Пермского звериного стиля, образы которых находят соответствия с культовыми изображениями северо-восточной Европы, Западной Сибири и

Приуралья эпохи каменного века. С середины XIX в. по поводу семантики изображений на бляшках было высказано немало гипотез, но в последнее время исследователи склоняются к тому, что в звериных образах чудских блях нашли отражение космологические представления древних коми. Одним из наиболее распространенных образов пермской средневековой пластики является человек с головой лося (лосихи), стоящий на ящере. По боковым сторонам композиции располагаются две женские фигуры с головами лосих, причем морды лосих верху бляшки смыкаются полукругом, образуя вместе с ящером рамку для центральных изображений. В целом композиции шаманских бляшек соответствуют известной космологической схеме, в которой зооморфная символика кодирует различные уровни вселенной. В качестве центрального образа также используются образы путешествующей женщины-лосихи и женского божества. Богиня имеет высокий сакральный статус и олицетворяет весь средний мир, связывая воедино земной низ и небесный верх, солярные знаки на голове и на груди свидетельствуют о ее отношении к солнечной животворной силе и земному плодородию. Изображение на груди женской фигуры человеческой личины позволяет предположить, что она ведает и воспроизводством людей. Судя по всему, это изображение Богини Матери древнекоми мифологии, известной по средневековым русским и западноевропейским источникам как Золотая Баба.

Третий параграф «Дуалистические легенды в фольклорной традиции коми» посвящён анализу космогонических легенд коми. Прежде всего проанализирован сюжет сотворения суши, имеющий в коми традиции ряд особенностей: мотив ныряния за яйцами, выраженный дуализм творцов, мотив замораживания поверхности океана и др. Выявлены книжные и фольклорные источники мотивов, дан лингвосемантический анализ имен творцов. Рассмотрен другой сюжетный мотив космогонических легенд – мотив первородного греха. Тексты о сотворении первых людей входят в

состав сюжета космогонического повествования, являясь завершающим этапом космотворчества божества-демиурга или двух сотворцов. Антропогоническая легенда входит в состав космогонических текстов, но при этом в основных чертах строится в соответствии с сюжетной канвой библейской истории Адама и Евы, их грехопадения и изгнания из рая. Сам библейский сюжет о первых людях в фольклорных интерпретациях приобретает дополнительные этиологические мотивы, не только расширяющие антропогоническую тему, но и существенно меняющие смысловые параметры библейской истории. Главным является изменение концепции первородного греха. В церковной традиции под первородным грехом понимается нарушение прародителями человечества – Адамом и Евой – заповеди Бога не вкушать плодов с древа познания добра и зла. Следствием этого нарушения является искажение изначальной человеческой природы. В коми фольклорной традиции концепция первородного греха связана с мотивом измены первой женщины своему мужу, Адаму, с Чёртом, а сам мотив первородной измены обусловлен мифологическим статусом женщины как создания противника небесного бога. Следствием греха прародителей становится мифическая «болезнь», которая тем сильнее поражает последующие поколения человечества, чем дальше по времени они отстоят от поколения первых людей – вплоть до полной деградации последнего поколения людей накануне конца света.

Четвёртый параграф «Эсхатологические сюжеты в коми мифологии» посвящён описанию эсхатологических легенд коми. Эсхатологические представления относятся к сфере народной религиозности, и коми апокалиптика, напрямую связанная с русской православной традицией, использует сходные мотивы, образы. Особенно это касается тех этнических групп коми, среди которых было распространено старообрядчество (Вашка, верхняя Вычегда, Печора), а также влияние секты бурсьылысьяс (певцов Добра). Легенды о конце света, бытовавшие в этой среде, рассказывают о

приходе Антихриста, о его числе 666 и других его атрибутах, о всемирном голоде, предваряющем Страшный суд. Эти версии последних времён ориентированы на книжные источники – рассказчики нередко ссылаются на книжный первоисточник, многие образы и мотивы этих легенд действительно имеют книжное происхождение. Вместе с тем, в коми традиции фиксируется и другая версия эсхатологии, образность которой существенно отличается от рассмотренной выше. В этой эсхатологии отсутствуют характерные для христианской апокалиптики образы Антихриста и Страшного суда, но ощущается близость к архаическим мифам о мировых катастрофах, которыми завершаются космические циклы. Сюжет такого эсхатологического нарратива повествует о событиях, предшествующих мировой катастрофе. В сюжете участвуют два субъекта повествования, один из которых, рассказчик, сообщает эсхатологический прогноз, рассматривающий исторические события как кодированную информацию, в которой посвящённый угадывает сценарий конца света. Эсхатологический процесс представляется в виде смены поколений людей, которые включены в общую календарно-мифологическую концепцию развития и энтропии мира. Первое после карликов поколение богатырей обладает самыми незаурядными качествами, следующие за ним «язычники» и далее «обычные» люди с каждым разом становятся все более слабосильными. Вместе с тем, постепенно приходит в упадок и общее состояние мира. Необходимость данного исследования диктуется тем, что разработанные в этих текстах образы и мотивы являются субстратными по отношению к ряду фольклорных мотивов и образов, в том числе и относительно легенд о крещении. Это касается образа чуди, участвующей как в эсхатологии, так и в легендах о христианизации, а также мотивов путешествия, плавания, магического состязания, разработанных в контексте мифологии и оказавших существенное влияние на формирование структуры и образной системы текстов о Степане-крестителе. Вместе с тем,

космогонические и эсхатологические тексты чрезвычайно важны для понимания процесса складывания линейного типа повествования, поскольку являются прямой репрезентацией концепции истории от начала Творения до Страшного Суда, Конца мира, иначе говоря, история как тип повествования, получает «начало» и «конец», что нехарактерно для мифологических нарративов, но характерно для христианской модели истории.

Третья глава диссертации **«Фольклорные нарративы о христианизации народа коми: синтез истории и легенды»** посвящена вопросам развития и трансформаций сюжета христианизации в фольклоре.

В первом параграфе «Генезис и жанровые особенности устных нарративов христианизации коми» описывается источниковая база исследуемого материала, дается обзор работ по теме исследования. Прежде всего, рассматривается проблема двоеверия и связанная с этим понятием проблема религиозного фонда, в своё время предложенная Л. П. Карсавиным и актуализированная в работах А. А. Панченко. Религиозный фонд народа коми исторически складывался под влиянием двух составляющих. Во-первых, охотничье-промысловая среда долгое время сохраняла дохристианские традиции, во-вторых, сельская среда сама по себе сложилась под сильнейшим влиянием русской религиозности. Факт крещения и обретения письменности означал еще и включение средневековой Перми в книжный мир русского православия. Становящаяся христианская религиозность новокрещеного народа ищет источники сакральной информации и получает ее в форме устных и письменных текстов как ортодоксального, так и апокрифического характера. Эти тексты содержали сведения о мироустройстве, о Боге и его отношении к людям, об Иисусе Христе и Богородице, православных святых и об основных православных праздниках, наслаиваясь на прежние дохристианские мифологические тексты. По-видимому, уже тогда начинает складываться параллельный официальному церковному народно-православный религиозно-

мифологический фонд, в котором наряду с элементами христианской религиозности уживались апокрифические толкования и языческие верования. Включенность в общий фонд обусловила свободную миграцию различного рода русских народно-религиозных текстов в коми национальной среде. Попадая в эту среду, тексты не только переводились на коми язык, но и адаптировались к складывающемуся типу национального мировосприятия, включались в синкретические ментальные образования или вытесняли прежние языческие верования, и тем самым формировали новый религиозный менталитет. Начало этого процесса было положено переводами на коми язык Литургии и других богослужебных текстов Стефаном Пермским и его преемниками. Усвоенные на родном языке христианские сюжеты создали прецедент, многократно повторившийся в последующих, уже народных переводах религиозных текстов, а также обусловили формирование новых, национальных религиозных текстов христианского содержания, к которым и относятся тексты о Степане-крестителе и крещении чуди. В работах исследователей жанр этих нарративов определяется как «историческое предание». В качестве основного жанрового критерия при этом берется «историзм» личности Стефана и его эпохи. Учитывая христианскую религиозную составляющую этих текстов, описывающих события первокрещения, их значимость для религиозного сознания коми народа, целесообразно отнести нарративы о Стефане к жанру легенды. В разделе дается тематическая классификация текстов о Стефане, в соответствии с которой предлагается последующее описание и анализ текстов. Репрезентации сюжета христианизации в фольклоре коми связаны, со становлением христианского религиозного сознания и, в первую очередь, с распространением культа Стефана Пермского в народной среде. Тексты о крещении и о Степане-крестителе, в первую очередь связаны с культом Стефана Пермского или, точнее, с народной версией культа. В связи с этим все тексты о крещении мы отнесли к жанру легенды, символический смысл

которых заключается в народном объяснении причин почитания святого. Анализ легенд о крещении позволил нам выделить четыре основных тематических группы нарративов: 1. Легенды о крещении чуди с мотивами крещения и самопогребения чуди, бегства чуди, гибели чудинки, чудских кладов; 2. Легенды о путешествиях Степана с мотивами плавания по реке на камне, номинации населенных пунктов, нарицания аборигенов прозвищами, пророчеств; 3. Вымские легенды книжного происхождения с мотивами ослепления язычников, возведения горы, рубки священной березы; 4. Легенды о магических состязаниях Степана с языческими волхвами. Сюжеты формируются, как правило, в пределах тематической группы в результате присоединения и комбинирования мотивов, образуя различные сюжетные модификации. Ядерной структурой для сюжетов всех групп является деятельность Степана по крещению, инициирующая ответную реакцию его языческих контрагентов.

Во втором параграфе «Поединок святого и мага в агиографии и в фольклорной традиции» рассмотрен мотив поединка святого и мага в житийной и в устной традициях. Легенды о поединках Степана-крестителя с языческими колдунами-тунами по своим структурным качествам сходны с нарративами, определенными А. С. Сидоровым как «колдовской эпос». Термин был поддержан исследователями фольклора, в том числе А. К. Микушевым, Н. Д. Конаковым. В реферируемой работе в состав «колдовского эпоса», наряду с текстами о магическом состязании, включены нарративы о людях, наделенных сверхъестественными способностями: силой, магией, волшебными предметами, которые настолько выделяют их из окружения, что окружение стремится избавиться от них любыми способами. Сюда же входят и легенды о Степане четвертой тематической группы. В основе сюжета колдовского состязания лежит спор двух колдунов, переходящий в вызов на состязание в силе. Состязание заключается в чтении заговоров, проигравшим оказывается тот, чьи заговоры оказались слабее. По

жанровым признакам такие тексты можно отнести к меморатам и фабулатам, но сам мотив колдовского поединка в качестве сюжетообразующего входит и в более сложные нарративные образования, в том числе и в соответствующий цикл легенд о Степане. В основе сюжетов легенд лежит ситуация встречи Степана с колдуном (туном), патроном определенной местности. Это могучие герои с языческими именами: Ошлапей, Мелейка, Паляйка, Кёрт-Айка, Кыска, что свидетельствует об их несомненном отношении к идеологии языческого мира. Сюжет нарратива о поединке Степана с туном строится как цепь взаимоответных магических акций обоих противников, поединок завершается победой Степана, колдун погибает. Тексты с мотивом поединка отличаются от остальных нарративов о Степане как разработанностью образов персонажей, так и разработанностью самого сюжета повествования. В данном случае мы имеем дело с единым в повествовательном плане сюжетом, в котором каждый последующий сюжетный элемент мотивирован предыдущим, а финал предопределен образом Степана, который просто не может потерпеть поражение. Масштаб образа Степана как центрального персонажа данных нарративов сродни образу героя архаического (шаманского) эпоса, спасающего народ от чудовищ. Арсенал средств, которыми пользуются туны, чтобы победить Степана, характеризует их как могучих волшебников: они способны перемещаться в подводном мире, воздействовать на природные стихии, обращаться в животных и рыб, они неуязвимы к воздействию оружия и фактически бессмертны. Не менее чудесными средствами пользуется и сам Степан: он знает заклятья на усмирение стихий, использует крест как магический жезл, знает магические способы убийства бессмертного туна. Однако мотивировкой поединков Степана с тунами является антагонизм между туном и обществом, обострившийся после принятия обществом христианства. Включив в качестве положительного героя Степана, традиция внесла в исходный колдовской сюжет религиозные коррективы,

перекодировав первоначальную мотивировку сюжета состязания сильного и слабого колдунов на сюжет состязания христианского и языческого магов.

Фольклорный сюжет состязания Степана с тунами, в свою очередь, имеет несомненное сходство с эпизодом «прения» Стефана Пермского с волхвом Памом-сотником из ЖСП и, соответственно, более ранними версиями поединков св. Павла с Елимой волхвом и св. Петра с Симоном Магом – также упоминаемыми Епифанием. Структурно поединок, описанный Епифанием, состоит из «прения» – диалога противостоящих сторон и процедуры Божьего суда (ордалии) – испытания противников огнем и водой. Символический смысл ордалии заключается в прямом вмешательстве Бога в дело одной из противоборствующих сторон ради подтверждения истинности веры этой стороны, поэтому победа в ордалии выглядит как форма Богооткровения, чудотворный дар харизматическому подвижнику. Интерес представляет реплика волхва Пама о том, что Стефан, видимо, более сильный колдун, чем он сам. Таким образом, очевидная для Стефана процедура Божьего суда воспринимается им как вариант состязания в магии. В связи с этим, нами были рассмотрены устные нарративы, сюжетная схема которых состоит из двух основных элементов – диалога и колдовского состязания. Анализ показал, что в основе этих сюжетов лежит вера в магические силы оппонентов, хотя одним из них, более сильным, является Степан. Таким образом, несмотря на формальное сходство рассмотренных нами литературного и фольклорного сюжетов, они не равны друг другу, поскольку в первом случае семантической основой является тема испытания веры, а во втором – тема испытания колдовской силы. Если первая тема предполагает идею личной верности Богу и его ответное содействие, то вторая предполагает наличие личных магических качеств и умений. Поэтому волхв Пам и святитель Стефан Пермский по-разному видят сущность ордалии: для Стефана – это суд Бога, которому он ревностно служит, для Пама – это состязание в магии, и отсутствие в его фонде личных

колдовских умений заговоров на огонь и на воду вынуждает волхва признать свое бессилие в данном испытании. Исследование показывает, что фольклорно-мифологическое сознание усвоило именно точку зрения Пама на ордалию, как на состязание в магии. Соответственно, книжный сюжет Божьего суда включился в привычную матрицу мифологической наррации.

Второй параграф «Путешествия Степана чудотворца: собрание христианского пространства» посвящён анализу мотива плавания на камне Степана, как наиболее репрезентативного в общей для всех устных текстов о Стефане Пермском теме пути, путешествия крестителя. Устные рассказы о путешествиях Степана-крестителя распространены по всей Вычегде, на Сыsole, Выми, Мезени и Вашке, а также на верхней Печоре и Каме. Преамбулой и вместе с тем сюжетообразующим мотивом этих текстов является мотив плавания Степана на камне. Нам удалось доказать, что мотив плавания на камне имеет космогоническую семантику, соответственно, персонаж, плывущий на камне, обладает свойствами героя-демиурга, выполняющего творческую миссию в первоначальные времена. С точки зрения христианской религиозности ситуация, приравненная к первоначальному хаосу, возможна при отсутствии в мире правильной (православной) веры, поэтому движение камня по воде и его остановка в определенном месте обусловлены волей Бога (Святым Духом), это и есть космогоническое решение Творца по упорядочению языческого хаоса. Остановка камня Степана в Усть-Выми означает начало космической стабилизации и начало новой христианской эпохи. Мотив плавания на камне чрезвычайно важен для характеристики Степана, поскольку указывает на связь Степана с божественными силами, объясняет природу его способности чудотворения и тем самым мотивирует последующее легендарное событие.

По сюжету легенд, чудесное плавание Степана совершается ради некоего легендарного события, соответственно, нами были рассмотрены два варианта развития сюжета: 1. Сюжетообразующая ситуация создается акцией

Степана, при этом ответные действия его контрагентов как бы вынесены за пределы сюжета нарратива; 2. Сюжет строится на коллизиях, возникающих между Степаном и крещаемыми язычниками-чудью. К сюжетам первой группы относятся а) нарративы с простейшим сюжетом, задачей которых является мотивировка топонима; вторая сюжетная группа подразделяется на б) нарративы усложненного типа, сюжет которых представляет собой цепь топонимических событий, соединенных друг с другом мотивом плавания Степана на камне; в) нарративы с трехчастной сюжетной структурой: акция Степана – противодействие чуди – ответная акция Степана, в последнем типе сюжетов противодействие чуди акции Степана мотивирует топонимическое событие или появление сельского прозвища; г) нарративы, сюжет которых составляется как цепь однотипных ситуаций нарекания прозвищ. Анализ материала показывает, что в вычегодско-вымском регионе почти каждая сельская локальная традиция содержит свой круг текстов о Степане и крещении язычников. Обязательными для этого круга являются тексты о чуди с мотивом происхождения чудских топонимов: чудских могил, городищ, холмов и т.п., а также сюжеты о происхождении топонима и прозвища жителей села. Таким образом, фольклорное сознание, привязывая происхождение топонима, сельского прозвища к имени Степана, как бы меняет историческое время основания поселения временем начала христианизации, сравнимым в данном случае с мифологическим «началом времен», когда Стефан еще только начинает выполнять свои культуртрегерские задачи, тем самым включая их в поле *коми христианской культуры*, в ее абсолютное начало.

В третьем параграфе «Сюжет христианизации и легенды о чуди: предки, не принявшие новую веру», рассматриваются легенды первой тематической группы. В разделе дается обзор исследований по рассматриваемой теме. Анализ работ позволяет сделать вывод о том, что при всем сходстве основных мотивов русских и коми текстов о чуди,

национальной спецификой коми легенд является соотнесенность образа чуди с представления о языческих предках, тогда как для русских чудь – это, прежде всего, аборигенное враждебное население края. Основные мотивы чудских легенд коми, каковыми являются мотивы самопогребения и миграции чуди, в целом сходны с русскими, разница в том, что в русских преданиях эти мотивы зачастую сопровождаются мотивом насилия над чудью. Чудь вынуждают к самопогребению или уходу от своих жилищ новопоселенцы – новгородцы (русские), в коми легендах чудь никто не неволит, никто не забирает их земли, чудь хоронит себя или уходит из своих мест, спасаясь от христианизации. В параграфе подробно анализируется мотив самопогребения чуди, предлагается версия происхождения мотива. На материале фольклора коми-пермяков выделяются две группы устных текстов о чуди: 1. Тексты о карликовой чуди; 2. Тексты о чуди-язычниках. Тексты первой группы рассматриваются в контексте представлений о мифических первопредках. Анализ легенд о чуди позволил решить вопрос о происхождении на коми почве самого термина *чудь* и связанного с этим термином круга текстов. В работе показано, что термин имеет конфессиональное значение и обозначает язычников-коми, не принявших христианства. Основные мотивы чудских легенд коми: мотивы самопогребения и миграции чуди в целом сходны с русскими, разница в том, что в русских преданиях эти мотивы зачастую сопровождаются мотивом насилия над чудью, в то время как коми легенды отождествляют чудь с некрещеными предками. Генезис мотива самопогребения связан с представлениями о первопредках, живших в начале времен. В связи с этим рассмотрены и проанализированы тексты о карликовой чуди, как правило, оставляемые без внимания исследователями. Анализ текстов о карликовой чуди показывает, что в данном случае мы имеем дело с разновидностью космогонического мифа, описывающего космогенез как гибель мира первопредков – карликов, после которого формируется мир, современный

рассказчику. Исчезновение мира предков – первоначальников мира мифологический сценарий описывает как уход карликовой чуди под землю, переосмысляемый в фольклоре как мотив самопогребения (сμοзахоронения) чуди. Мы полагаем, что сходные с вышеизложенные мифологические тексты были известны древнему финно-угорскому населению новгородской Обонежской пятины (Каргополье) и Заволочья. Русские колонисты, жившие рядом с заволочской чудью, восприняли эти мифологические сюжеты, но в ходе трансляции исказили их семантическую информацию. В результате появляются русские версии текстов, в которых описывается встреча двух чуждых друг другу культур – славянской и чудской, при том, что смена второй культуры первой кодируется в текстах мотивом самозахоронения. Таким образом, мотив самопогребения – это не что иное, как искаженная версия чудского текста о смене мифологических эпох. Эта версия, сохранив в качестве основной структуры наиболее «эпатажный» мотив, включает в его контекст новую семантику, видимо, более актуальную на тот исторический период времени. В ходе колонизации Севера, сопровождавшегося и христианизацией северного населения, по уже сформировавшейся традиции получавшей новый, как бы «переходный» этноним – чудь, этот «чудской сюжет» получил распространение на всей территории европейского северо-востока.

Четвёртый параграф «Ослепление «вымской чуди»: фольклорная интерпретация агиографического топоса» посвящен проблеме взаимовлияния литературы и устных текстов. При рассмотрении генезиса легенд о Степане немаловажной оказывается проблема взаимовлияния литературных и устных текстов. Нами были рассмотрены три сюжетных мотива устных легенд – ослепления язычников, возведения горы, рубки священной березы Степаном, имеющих параллели в основных эпизодах «Повести о Стефане Пермском» и в «Вычегодско-вымской летописи». Очевидно, источниками данных эпизодов Повести стали устные тексты, составлявшие местное церковное

предание, складывавшееся по мере становления основных параметров культа св. Стефана Пермского в течение XV – XVII вв. В Повести эти эпизоды получили более детальную проработку и в дальнейшем перешли в устное бытование в виде серии легенд о рубке Степаном березы, ослеплении напавшей на него чуди и возведении горы. Особенностью вымской фольклорной традиции является традиция рассказывания эпических повествований об истории крещения коми-чуди. Такое повествование строится по типу исторического повествования и отличается панорамным охватом всей истории крещения, когда рассказчик свободно переходит от описания местных легендарных событий к событиям, происходившим в других регионах. Соответственно, в состав нарратива может входить как угодно много эпизодов, располагаемых в виде сюжетных блоков, и соединяемых в единый сюжет мотивом плавания Степана на камне. В качестве основных единиц сюжета, как правило, используются мотивы уже описанных трех тематических групп, в качестве обязательных эпизодов включаются перечисленные мотивы рубки Степаном березы, ослеплении чуди и возведении горы, включаются и дополнительные эпизоды, связанные с сюжетными мотивами об усть-вымских святых Герасиме, Питириме и Ионе, а также о Георгии Победоносце, имеющими явные агиографические истоки. Анализ материалов показывает, что известная легенда о противостоянии братьев Корт-Айки и Князя Степану имеет в качестве прототекста произведение М. Н. Лебедева «Корт-Айка – Железный свекор. Зырянское предание», опубликованное в 1910 году в г. Усть-Сысольске.

Глава IV. **Сюжет христианизации в коми литературной традиции Нового времени** посвящена выявлению культурно-исторического значения сюжета христианизации в творчестве И. А. Куратова и К. Ф. Жакова. Тема христианизации в творчестве первых коми писателей по сути является интерпретацией канонической версии сюжета Епифания Премудрого. Они сохраняют основные смысловые координаты ЖСП, включая общую

структуру его сюжетной линии, имена героев, меняется только позиция автора, который оказывается, в отличие от Епифания, на стороне языческих персонажей.

В первом параграфе «Драма пермского волхва в поэме И. А. Куратова «Пама»» рассматривается поэма основоположника коми литературы И. А. Куратова как первое произведение коми автора, интерпретирующее епифаниевский сюжет христианизации. Анализ поэмы выявил изменения в замысле произведения – выдвигание на передний план образа главного противника крещения – языческого жреца Памы. В романтической концепции Куратова тема противостояния Стефана и Памы в связи с крещением коми народа из исторического плана раздвигается до уровня космической идеи, соотносящей судьбу народа с жизнью вселенной; выявляется трагизм главного героя поэмы, который в своем противостоянии новому мироустройству обречен на тотальное одиночество и вечное осуждение. Проблема героя проецируется на авторское сознание: сам Куратов так и не смог решить, в чем была истина, принесенная на коми землю Стефаном, во имя которой коми люди отреклись от своих богов. Размышляя над этой темой в поэме «Пама», Куратов выдвигает в качестве национального героя эпохи главного противника христианизации – языческого жреца Паму (Пам сотник Епифания Премудрого), который остается верен своему долгу, предпочтя изгнание, но не предательство веры и обычаев отцов. Эта иная, неепифаниевская точка зрения на крещение, предполагавшая главным героем произведения не Стефана Пермского, а его противника, Паму сотника, была на то время абсолютно новаторской. В сущности, интерпретация событий крещения с точки зрения Памы переводила сюжет поэмы на иной концептуальный уровень, и это был уровень национальной литературы со своей особой аксиологией и философией. Фактически же опыт Куратова показал, что сюжет христианизации, столь значимый для коми национального менталитета,

является ключевым и для коми словесности в целом – показателем ее национальной специфики и, в силу этого, почвой для обретения автором национальной идентичности.

Второй параграф «Коми язычество как основная тема литературных произведений К. Ф. Жакова» посвящён анализу научного и литературного опыта К. Ф. Жакова. В творчестве этого писателя христианизация обозначается как концептуальная граница между языческим Золотым веком коми народа и современной историей. Этот исторический переход был неизбежен, но связь с языческим прошлым остается показателем подлинности, этничности, изначальной мудрости, знания основ бытия. Не случайно носителем этих черт является сын Пама сотника – Пам Бурморт, носитель особого знания, упоминание о котором проходит сквозной темой в произведениях писателя. Жаков вошёл в историю культуры как антрополог первой своей публикацией «Языческое мирозерцание зырян» (1901), как обобщения собранных в ходе экспедиции фольклорных материалов. Эта работа становится первой реконструкцией языческой мифологии коми, включая и пантеон основных аутентичных божеств. В последующем литературном творчестве Жаков не раз использовал эту схему языческой мифологии, дополняя её и внося изменения в общую структуру. «Языческое мирозерцание», по мысли Жакова, является ядром коми национальной культуры, именно в нём с древнейших времен содержатся смыслы и ценности духовного бытия коми народа. Соответственно, языческий миф является индикатором идентичности зарождающейся литературной традиции коми-зырян. Эти положения нашли воплощение в первом большом произведении К. Ф. Жакова «На Север, в поисках за Памом Бур-Мортом». Сюжет этой книги строится как поиски и обретение автором-героем Жакова древнего языческого учения Пама, который сам обрёл его в Индии, в ходе своих странствий. Исследование показывает наличие соответствий между основными положениями языческой доктрины Пама, индийской религиозной

философии и философского учения лимитизма Жакова. Вершиной литературного творчества К. Ф. Жакова является поэма «Биармия», написанная в 1916 году. По замыслу автора, поэма является реконструкцией древнего северного эпоса или, точнее, одного из северных эпосов, эпоса народа Перми, родственного по языку и культуре всем народами обширной территории европейского Севера от Урала до Финляндии, с центральной областью – бассейном Северной Двины, обозначенной в поэме как Биармия. Путь восстановления эпоса был таков: пользуясь методами антропологической теории выделить «пережитки» эпоса и мифологии в фольклоре коми, реконструировать мифологическую картину мира с пантеоном языческих богов, очертить круг мифологических сюжетов, связанных с реконструкциями космологических представлений, подвигами героев древности, эксплицирующего диахронический аспект мифоистории, а затем, ориентируясь на «Калевалу» Лённрота, скандинавские саги и русские былины, составить единый эпический сюжет. Поэма «Биармия» – это попытка воссоздать древнюю мифологию коми в живой аутентичной среде бытования. Сюжет поэмы строится как эпическое повествование о национальных героях коми народа, живших в отдалённую историческую эпоху, когда была жива связь между людьми и Природой, людьми и богами, реальностью и мифом. Соответственно, в сюжетных коллизиях принимают участие не только сами герои, но и различные божества, а также природные объекты. Эти особенности сюжета не только не переводят повествование в область фантастики, но, напротив, сообщают ему особую установку на достоверность, характерную для мифологических текстов. Жаков как учёный-этнолог использует фольклорные материалы в реконструкции архаической картины мира коми, которую использует в качестве идеологической доминанты своих произведений. Языческий мир Жакова коррелирует с творческими поисками русской культуры Серебряного века, с

ее интересом к теософии, мифологии, мистике, а также является выражением общего мироощущения коми человека, национального идентитета.

Заключение. Интеграция сюжета христианизации и связанного с ней образа Стефана в систему языческой коми культуры не могла произойти единовременно, скорее можно представить длительный процесс усвоения и присвоения системой нового семантического поля, до этого ей неизвестного. В результате сама система претерпела настолько существенную перестройку, что изменила свои первоначальные параметры. Фактически образ Стефана выполнил функцию аттрактора, смысловое поле которого смоделировало новую системную организацию культуры, привлекая, в качестве базовых как смысловые структуры русского православия, так и структуры прежней языческой системы. Вместе с тем, перестроившаяся система по мере усвоения уже сама моделирует образ Стефана и строит свой сюжет христианизации в соответствии со своими нуждами. Семантический диапазон образа Степана-крестителя достаточно широк и включает одновременно значения, связанные с общерусскими представлениями о святых и святости, с определенными житийными чертами св. Стефана, и значения, связанные с пережитками языческих представлений, так что в разных текстах Степан выступает в качестве святого или мага, а иногда того и другого одновременно. Выбор любого из этих значений обусловлен предпочтениями локальной традиции, однако, следует отметить, что преобладает магическая доминанта образа Стефана. Произошла перекодировка основных понятий, в результате чего святое подвижничество Стефана Пермского было усвоено фольклорным сознанием как проявление великой магической силы, с помощью которой он побеждает чудскую веру и языческих колдунов.

На этапе становления коми литературы сюжет христианизации становится почвой для обретения автором национальной идентичности, а для

коми словесности специфических национальных черт. Обращение к языческой составляющей сюжета христианизации показало со всей очевидностью, что в интеллектуальной среде коми народа существует иное понимание прошлого, отличное от его официальной интерпретации. Со всей наглядностью оно проявилось в творчестве ряда коми писателей конца XX – нач. XXI вв., отразивших взгляды коми интеллигенции, видевшей в языческом прошлом бытие «чистой» этнической и культурной идентичности, разрушенной христианизацией. С этой точки зрения привлекательность образа Пама как национального героя обусловлена тем, что за ним стоит тайна исторического прошлого коми народа, а обращение к ней – не что иное, как отражение поиска коми интеллектуальной элитой утраченной культурной памяти.

Завершается диссертация **библиографией** литературы и источников, использованных при написании исследования.

Основные публикации по теме диссертации

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК:

1. Лимеров П. Ф. Стефан Пермский и крещение чуди в коми устной традиции // Известия РАН (сер. Литература и язык) Т. 65. №6. 2006. С. 36–45.
2. Лимеров П. Ф. К вопросу о границах религиозного фонда // Вестник Поморского университета Серия. Гуманитарные и социальные науки. Архангельск, 2009. №4. С. 50–57.
3. Лимеров П. Ф. Образ чуди в коми фольклоре // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2009. № 1–2 (63) С. 81–91.

4. Лимеров П. Ф. Становление литературной традиции Перми Вычегодской // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. № 3 (2). С. 140–147.
5. Лимеров П. Ф. «Однажды Степан Пермский поплыл вниз по Выми на каменном плоту»: собрание пространства в устных текстах о св. Стефане Пермском // Традиционная культура. 2010. №4. С. 43–55.
6. Лимеров П. Ф. Тема труженичества св. Стефана Пермского в «Слове о житии» Епифания Премудрого // Уральский исторический вестник. 4(21), 2008. С. 109–118.
7. Лимеров П. Ф. Путешествия Степана-чудотворца: к вопросу о топонимическом мотиве в легендах о христианизации коми // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Выпуск 1 (17). С. 76–84.
8. Лимеров П. Ф., Созина Е. К. Поэтическая мифология Каллистрата Жакова в культурно-философском контексте // Известия Удмуртского государственного университета. Серия История и филология. 2013. №4. С. 147–156.
9. Лимеров П.Ф., Созина Е.К. «Биармия» Каллистрата Жакова как реконструкция Северного эпоса // Уральский исторический вестник, 2014. № 3 (44). С. 29–39.
10. Лимеров П. Ф. Поэма «Биармия» как итог исследовательской деятельности Каллистрата Жакова по реконструкции древнего мировоззрения коми-зырян // Известия Коми научного центра УрО РАН, 2015. №1. С. 110–116.
11. Лимеров П. Ф. Мотив первородного греха в коми антропогонических легендах // Традиционная культура, 2015. № 2. С. 97–102.

- 12.Лимеров П. Ф. Пам сотник: художественный образ в становлении идентичности коми литературы // Уральский исторический вестник. № 1(50). Екатеринбург, 2016. С. 40–49.
- 13.Лимеров П. Ф. Мифопоэтика Севера в литературном эпосе К. Ф. Жакова «Биармия» // Вестник Северного (арктического) федерального университета. Серия Гуманитарные и социальные науки. № 1. Архангельск, 2018. С. 101–111.
- 14.Лимеров П. Ф. Классовый подход в изучении творчества И. А. Куратова: историография и методологии исследований // Известия Удмуртского государственного университета. Серия История и филология. 2018. №2. С. 206–215.
- 15.Лимеров П. Ф. Художественный мир поэмы К. Ф. Жакова «Биармия»: к проблеме хронотопа // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2018. Т. 24. № 3. С. 67–79.
- 16.Лимеров П. Ф. Сюжет христианизации в коми словесности: специфика становления литературной традиции // Известия Новосибирского государственного университета, 2019. №9. Т. 17. С. 160–167.

Монографии

- 17.Лимеров П. Ф. Мифология загробного мира. Сыктывкар: Изд-во КНЦ УрО РАН. 128 с.
- 18.Лимеров П. Ф. Му пуксьӧм – Сотворение мира: мифология народа коми / Сост, ред., перевод с коми, предисловие, комментарии. Сыктывкар, 2005. 624 с.
- 19.Лимеров П. Ф. Образ св. Стефана Пермского в письменной традиции и в фольклоре народа коми. Москва: «Наука». 256 с.

20. Лимеров П. Ф. Иван Алексеевич Куратов. Сыктывкар: Изд-во «Эском», 2018. 270 с.

Статьи

21. Лимеров П. Ф. Коми предания // Этнопоэтика и традиция: К 70-летию чл.-корр. РАН В. М. Гацака. М.: Наука, 2004. С. 247–255.
22. Лимеров П. Ф. Коми предания: проблема границ «колдовского эпоса» // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: Материалы III Всероссийской научной конференции финно-угроведов. Сыктывкар, 2005. С. 271–275.
23. Limerov P. Forest Myths: a Brief Overview of Ideologies Before St.Stefan // Folklore. Vol. 30. Tartu. 2005. P. 97–135.
24. Лимеров П. Ф. Мотив плавания на камне в устном повествовательном цикле о Стефане Пермском // Сакральная география и этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера / Поморские чтения по семиотике культуры. Вып.2. Сб. науч. статей. Архангельск, 2006. С. 302–319.
25. Лимеров П. Ф. «И изучися сам языку пермскому...» Епифаний об ученичестве Стефана Пермского // Семиозис и культура. Сб. науч. статей. Вып. 2. Сыктывкар, 2007. С. 330–339.
26. Лимеров П.Ф. Устные рассказы о Стефане Пермском: проблема жанра // Духовная культура финно-угорских народов. Материалы Всероссийской научной конференции к 80-летию Анатолия Константиновича Микушева. Сыктывкар, 2007. С. 74–78.
27. Лимеров П. Ф. Зырянский апостол: к постановке проблемы подвига святости св. Стефана Пермского // Сакральная география и этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера / Поморские чтения по семиотике культуры. Вып.3 . Сб. науч. статей. Архангельск, 2008. С. 169–180.

- 28.Лимеров П. Ф. К вопросу о начале пермской письменности // Семиозис и культура. Сб. науч. статей. Вып. 2. Сыктывкар, 2008. С. 316–321.
- 29.Limerov P. La Dea-Madre nella religiosita prectistiana dell popolo komi: per una ricostruzione dell'immagine // Simboli e miti della tradizione sciamanica. Bologna, 2007. P. 29–38.
- 30.Лимеров П. Ф. Устные тексты о Стефане Пермском: проблема жанра // Литература Урала: История и современность. Екатеринбург, 2007. С. 186–194.
- 31.Лимеров П. Ф. К вопросу о подвиге святости Стефана Пермского // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 20-летию ИИА УрО РАН. Екатеринбург, 2008. С. 568–573.
- 32.Лимеров П. Ф. Св. Стефан Пермский и тема крещения в коми устной традиции // Научные доклады КНЦ УрО РАН. Вып. 497. Сыктывкар, 2008. 39 с.
33. Лимеров П.Ф. Стефан Пермский и Пам-сотник: к вопросу «препирания волхва» // Историческое произведение как феномен культуры. Сыктывкар, 2009. С. 98–107.
- 34.Лимеров П. Ф. Стефан Пермский, просветитель и маг: к вопросу об одной фольклорной инверсии // История – миф – фольклор в еврейской и славянской культурной традиции / Отв. ред. О.В. Белова М., 2009. С. 282–298.
- 35.Лимеров П. Ф. Образ богини-матери в мифологии коми: к проблеме реконструкции // Проблемы духовной культуры народов европейского Севера и Сибири. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН. 2009. Вып. 2. С. 184–200.
- 36.Лимеров П. Ф. Вычегодско-Вымская летопись как памятник литературы Вычегодской Перми // Духовное наследие Республики

- Коми: история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции «Редкие книги в фондах современных библиотек, архивов, музеев. 15–16 мая 2008г.». Сыктывкар, 2009. 137–147.
37. Лимеров П. Ф. К проблеме колдовского эпоса: встреча героев // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры. Материалы международной научной конференции, посвященной 160-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск: КарНЦ РАН. 2010. С. 164–175.
38. Лимеров П. Ф. Власть тьмы и суд поэта: эсхатологическая тема в поэзии И. А. Куратова // Литературы Урала: история и современность. Екатеринбург: Изд-во Екатеринбургского университета. 2010. С. 90–99.
39. Лимеров П. Ф. «Книжные мотивы» в устных текстах о Стефане Пермском // Образный мир традиционной культуры. М., 2010. С. 43–59.
40. Limerov P. St. Stefan of Perm: A Dialogue between Traditions and the Traditions of Dialogue // Folklorika: University of Alberta (Kanada). 2010. P. 1–27.
41. Лимеров П. Ф. «Книжные мотивы» в устных текстах о Стефане Пермском // Образный мир традиционной культуры. М., 2010. С. 43–59.
42. Лимеров П. Ф. Религиозный фонд народа коми: постановка проблемы // Гуманитарные исследования на Урале и социальная практика. Екатеринбург, 2010. С. 208–214.
43. Лимеров П. Ф. Легенды о Стефане Пермском в фольклоре коми // Живая старина, 2010. №. 2 (66). С. 43–46.
44. Лимеров П. Ф. Образ св. Стефана Пермского: диалог традиций // «Уведи меня дорога...»: Сборник статей памяти Т. А. Бернштам. СПб.: МАЭ РАН. 2010. С. 211–224.

45. Лимеров П. Ф. Эсхатологические представления коми по материалам фольклора // Фольклор и этнография. К девятидесятилетию со дня рождения К. В. Чистова. СПб.: МАЭ РАН. 2011. С. 163–178.
46. Лимеров П. Ф. Неоконченная поэма-пьеса И. А. Куратова «Пама»: на пути к национальному герою // Литература Урала: история и современность: сб. статей. Вып. 6: Историко-культурный ландшафт Урала: литература, этнос, власть. Екатеринбург, 2011. С. 105–109.
47. Лимеров П. Ф. Христианизация Коми края // Вымская земля – родина Питирима Сорокина. Сыктывкар, 2011. С. 87–118.
48. Лимеров П. Ф. Пермский Степан и крещение чуди в вымских легендах // Вымская земля – родина Питирима Сорокина. Сыктывкар, 2011. С. 397–413.
49. Лимеров П. Ф. Реабилитация зырянского язычества в поэме И.А. Куратова «Пама» // Семиозис и культура: лабиринты смысла. Сыктывкар, 2012. С. 206–216.
50. Лимеров П. Ф. Религиозно-философские взгляды К. Ф. Жакова в книге «На Север, в поисках за Памом Бур-Мортом» // Литература Урала: история и современность. Выпуск 7. Литература и история – грани единого (к проблеме междисциплинарных взаимосвязей). Екатеринбург, 2013. Т. 2. С. 251–261.
51. Лимеров П. Ф. Вымские легенды о христианизации язычников Стефаном Пермским // Фольклористика Коми: Региональные фольклорные традиции Европейского Северо-Востока и Зауралья в межкультурном контексте. Сыктывкар, 2012. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; Вып. 70). С. 6–21.
52. Лимеров П. Ф. Семья Каюковых из *пуни сир* «рода медведя» – как носители традиционного фольклора хантов Югана: полевые заметки экспедиции к восточным хантам // Фольклористика Коми: Региональные фольклорные традиции Европейского Северо-Востока и

- Зауралья в межкультурном контексте. Сыктывкар, 2012. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; Вып. 70). С. 150–189.
53. Лимеров П. Ф. Образ Стефана Пермского в коми фольклорной традиции. // История литературы Урала. Конец XIV – XVIII вв. М.: «Языки славянской культуры», 2012. С. 51–59.
54. Лимеров П. Ф. Памятники письменности и литературы Перми Вычегодской // История литературы Урала. Конец XIV – XVIII вв. М.: «Языки славянской культуры», 2012. С. 59–73.
55. Лимеров П. Ф., Созина Е. К. Мифологическая система в творчестве К.Ф. Жакова // Сюжетология и сюжетография. Новосибирск, 2013. №1. С. 99–111.
56. Лимеров П. Ф. Странствия Пама Бур-Морта: к вопросу об истоках лимитизма // Семиозис и культура: интеллектуальные практики. Сыктывкар, 2013. С. 238–255.
57. Limerov P. Imetegija Stepan: püha Permi Stefani kujukomi legendides // Mäetagused - Folklore. Tartu, 2013. 2-14. S.115–131.
58. Лимеров П. Ф. Эсхатологические легенды коми старообрядцев и «бурсьылысьяс» (Певцов Добра) // Историческое произведение как феномен культуры. Вып. 8. Сыктывкар, 2013. С. 98–105.
59. Лимеров П. Ф. Сюжет о сотворении мира из яйца в коми традиции // Живая старина. 2014. № 2 (82). С. 25–29.
60. Лимеров П. Ф. И. А. Куратов. Начало коми поэзии // И.А. Куратов: опыт осмысления жизни и творчества. Сыктывкар, 2014. С. 17–25.
61. Лимеров П. Ф. Изучение дохристианской религии коми (XIX – нач. XX вв.) // Рябининские чтения. Петрозаводск, 2015. С.73–76.
62. Лимеров П. Ф. Поиски литературной идентичности: языческий миф в творчестве К. Ф. Жакова // Человек. Культура. Образование. 2015. №4 (18). С. 45–62.

63. Лимеров П. Ф., Созина Е. К. Художественный мир К. Ф. Жакова // Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности. Коллективная монография. Институт истории и археологии Уральского отделения РАН; Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН; Институт языка, литературы и истории Коми НЦ Уральского отделения РАН. Екатеринбург, 2016. (2-е издание, дополненное) С. 349–399.
64. Лимеров П. Ф., Лимерова В. А., Сурнина Л. Е. И. А. Куратов: Новые подходы к изучению творчества // Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности. Коллективная монография. Институт истории и археологии Уральского отделения РАН; Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН; Институт языка, литературы и истории Коми НЦ Уральского отделения РАН. Екатеринбург, 2016. (2-е издание, дополненное). С. 306–339.
65. Limerov P. Iidsete teadmiste poem: kirjandusilk eepos «Biarmia» Kallistrat Zakovi poetilises mütoloogias // Kallistrat Zakov. Biarmia. Kirjastuskeskus, 2015. S. 135–144.
66. Лимеров П. Ф. Мифологический мир Каллистрата Жакова, Гараморта // Жаков К.Ф. Мифы зырянского севера / Сост., предисловие, статья П. Ф. Лимерова. Сыктывкар, 2016. С. 300–316.
67. Лимеров П. Ф. Дуалистические сюжеты о сотворении земли в коми традиции // Фольклористика коми: исследования и материалы. Sator 17. Тарту, 2016. С.11–33.
68. Лимеров П. Ф. Нехристианская версия эсхатологии по материалам коми легенд // Фольклористика коми. «Фольклорные жанры Европейского Северо-Востока России: динамика развития, трансформации, классическое наследие и современные формы».

- (Труды Ин-та яз., лит-ры и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 74).
Сыктывкар: Изд-во КНЦ УрО РАН, 2016. С. 59–69.
69. Limerov P. Il tema del peccato originale nelle leggende komi sull'antropogenesi // Il Dio Eros e l'uomo (Бог Эрос и человек) /a cura di (под ред.) Zsuzsanna Rozsnyoi. Bologna: Aracne editrice, 2016, P. 125 – 135.
70. Лимеров П. Ф. Трансформации сюжета христианизации по материалам письменных памятников и фольклора коми // Русский Север: Идентичность, память, биографический текст. К 95-летию К. В. Чистова / Сост. Т. Б. Щепанская. СПб: МАЭ РАН, 2017. С. 33–51.
71. Лимеров П. Ф. Кирилло-мефодиевская традиция и её роль в сложении образа Стефана Пермского в «Слове о Житии св. Стефана Пермского» Епифания Премудрого // Человек. Культура. Образование. 2017. № 1 (23). С. 93–113.
72. Лимеров П. Ф. Пииты зырянские: становление коми поэзии в первой половине XIX века // Известия Уфимского научного центра РАН. 2018. № 1. С. 72–81.